

Портрет

© Евгений Румялёв

Меняться, оставаясь собой

Эдуард Аниконов входит в топ-50 молодых художников мира

Приятный, дружелюбный и располагающий к себе, интеллигентный, скромный и даже застенчивый, он, говоря откровенно, мало чем выделяется в среднестатистическом обществе культурных людей.

Не разглядишь в нём и богемности – нет экстраординарных художественных элементов одежды в стиле «балахон», нет вычурных очков и даже ярких шарфов. Нет и присущей определённому типу художников творческой неряшливости – чего-то из серии «всю жизнь в одном свитере и с нечёсаной бородой». Более того, Эдуард Аниконов – редкий пример художника, принятого и ортодоксами от искусства, и бизнес-сообществом, с удовольствием покупающим его картины. Причём, как тогда, когда Эдуард считался романтическим художником, так и когда он поменял манеру письма, сменив любовную прорисовку деталей на экспрессивные, почти этюдные мазки.

14 ноября Эдуарду Васильевичу исполнилось 50 – и это повергает в шок. Аниконов твёрдо входит в топ-50 молодых художников мира, да и привыкли все к тому, что он вечно молод и импозантен – а тут 50. К своему юбилею он подошёл с новой выставкой, привезённой в родной Магнитогорск, с новыми идеями и планами, с красавицей-женой и прелестной дочкой. Малышка Аделина, присутствующая на открытии выставки, одетая в модную юбочку и тяжёлые трендовые ботинки с гольфами, без церемоний подходила к папе даже во время его диалога с сильными мира сего и повисала на его ноге.

– Эдуард Васильевич, судя по всему, вы просто хотели уехать из Магнитогорска, иначе поступили бы на худграфа в Магнитогорске, а не в Свердловское художественное училище.

– Так распорядилась судьба, которая ещё в детстве могла сложиться по-другому. Художественные способности у меня начали проявляться рано, в школе родителям сказали: отдайте сына в художественную школу. Спасибо, они противиться не стали – с тех пор меня

не бросало из стороны в сторону, развивался в этом направлении и был счастлив. Из художественной школы меня направляли в Москву – в художественную школу при академии Сурикова. Знаете, тогда, в начале восьмидесятых, ещё ездили по стране в поисках талантов. Так вот нас было трое с Урала: из Челябинска и двое магнитогорцев. Школа при Суриковке – это значит автоматическое поступление туда в дальнейшем. Но родители, видимо, испугались оставлять одного сына-семиклассника – вернули в Магнитогорск. И на следующий год мой преподаватель Щепетихин, замечательный акварелист, настоял, чтобы я поехал в Свердловское художественное училище. На тот момент – одно из лучших в стране, и оно дало мне превосходную базу. Потом, когда учился в Петербурге, ничего нового, по сути, я уже не узнал.

– На родителей обиду держите?

– Ни тогда, ни сейчас. Вообще, узнал об этом через много лет, когда встретился с тем товарищем, который всё-таки остался там. Он и сказал, что на моё место, когда я уехал, взяли внучку Рины Зелёной.

– Обычно успешных, модных художников, артистов, писателей не принимают «истинные» творцы, считая попсой. Вы имеете стойкий авторитет среди всех сообществ. Как удалось выстроить грамотные отношения?

– (Смеётся). Честно: никак! Просто был собой, со всеми общался на приятельском уровне. Почти все мои коллекционеры становятся друзьями. Как-то летел на частном самолёте в компании ведущих юристов, банкиров страны – и один из них сказал: «Эдуард, почему вы такой скромный? Скромность – путь к забвению». Наверное, так и есть, но я вот такой: занимаюсь своим делом, никому не мешаю и не навязываюсь.

– В Америку, давшей основной толчок карьере, вы попали по международной программе «Рукопожатие через океан», очень модной в то время.

– О чём сам даже не мечтал, потому и английского никогда не учил (смеётся). Меня буквально

воткнул на подножку уходящего поезда мой друг, магнитогорский предприниматель Валерий Гаранков. Мы с ним одноклассники, вместе учились в художественной школе, он до сих пор душой художник, но занимается бизнесом. К тому времени уже были выставки, с ними я оказался за океаном, и колесо закрутилось. Америка даёт развиваться всем, было бы желание и умение. Там, где я жил, было очень много художников – с одной стороны, жуткая конкуренция, с другой, все востребованы и, имея талант, ты можешь занять любую нишу. Продюсерское дело поставлено так профессионально, что предложений у тебя всегда будет больше, чем ты сможешь реализовать. Галерей много, и каждая предлагает выставляться и там, и тут – только выбирай правильное для тебя направление.

– Кстати, о направлении: только ленивый не произнёс фразу: другой Аниконов. К чему такие изменения?

– (Смеётся). Думаю, каждый художник развивается, растёт. Не удовлетворён тем, что уже есть, пробует что-то новое. К тому же, это моя работа: одно не продаётся – делаешь для выставки что-то другое, для себя продолжаешь экспериментировать, потом одно плавно перетекает в другое – и появляются клиенты уже на то, что ты сам хочешь предложить. Так и понимаешь, что выбрал правильный путь. И потом, есть тенденции, с которыми знакомишься на выставках, которые используешь в своих работах. Другое дело, всё равно «переводишь» их на свой художественный язык. Современный художник, на мой взгляд, – как ди-джей: перемешивает все стили, потому что придумать что-то новое точно невозможно, и добавляет в это свою нотку.

Сложный процесс, который требует хорошей профессиональной школы. Сейчас искусство стало таким, что сложно разобрат, умеет человек рисовать или нет. Знаю массу модных художников, которые делают только так, потому что по-другому просто не умеют. А школа даёт широкий спектр возможностей. Сейчас я привёз в Магнитогорск картины,

все говорят «новый Аниконов», а у меня уже другие планы, ухожу от конкретики – не буду раскрывать всех секретов, лучше потом привезу новую выставку.

– Серия «Индустриальная» была сделана на основе впечатлений от комбината. Попаст туда было интересно?

– Более чем! Идея родилась больше десяти лет назад, когда в Америке я познакомился с Гансом Руди Гигером (американский художник, получивший «Оскара» за фильм «Чужой» – Прим. авт.) Мне нравилась его эстетика: грубая, брутальная, тогда ещё и мода такая пошла – на лофты, к примеру. Мне дали разрешение для съёмок на комбинате на два года, я напиткивался впечатлениями – и рисовал. Был на комбинате год назад, собираюсь в скором времени. Вижу, как развивается предприятие, обновляется, очень рад в этом плане за город, но как для художника мне бы, конечно, хотелось увидеть что-то старое, ржавое и разрушенное (хохочет).

– Эта серия, знаю, за границей произвела фурор. А в России?

– А здесь нет. У каждого художника круг общения, воспитанный им самим. Мои коллекционеры знали меня романтиком, и новый стиль немного не поняли. Сейчас круг общения поменялся, а тогда было даже обидно. Сейчас и в Москве многие модные художники работают в этой тематике. Десять лет назад я был чуть ли не единственным, но работы оказались не нужны. А вот в Америке я попал с ними прямо в точку.

– Там вас ценят за русскость?

– Там нет такого понятия. Страна изначально котёл наций, так что никого не интересует твоё происхождение. Ценят по тому, что ты делаешь.

– Помните свою первую проданную картину?

– (Улыбается). Да. Тогда учился в Питере, мы снимали комнату в старом здании на седьмой линии, там жили только художники. В академию ходили для галочки – Свердловское училище, повторяю, дало мне всё, что нужно. В академии лишь оттачивал мастерство. Девяностые годы, мы бедные студенты, надо было крутиться,

зарабатывать. Принёс свои работы в первую галерею – на Невском. И одну купили за сто долларов. Это была просто какая-то сказка.

– А сейчас сколько стоит картина Аниконова?

– (Хохочет). Ну, раз в тридцать больше – точно.

– Знакомство с оscarоносцем Гигером сыграло какую-то роль в вашей карьере?

– Нет, скорее, это было общение для души. Больше дал его продюсер, искусствовед Лесли Барани, с которым мы дружим. Вот он ждёт, чтобы я приехал и начал плотно работать с ним. Но я человек не такой подвижный. Люблю покой, пишу пленэр в Крыму, потом приезжаю в Москву, где у меня набралась серия индустриальных работ, потому что до этого всё «растаскивалось» по частным коллекциям. Чтобы жить в Америке, надо знать язык, а я, попав там в русскую диаспору, не видел в этом необходимости. Конечно, в магазине объясниться смогу, но разговоры с коллекционерами веду через посредников, а это такая цепочка... не обогащающая, скажем (смеётся). К тому же, на адаптацию ушло бы пять-десять лет, а мне было 35, и меня тянуло домой, да и в Москве уже всё было хорошо.

– С женой вы познакомились в Крыму?

– Да, когда-то с друзьями купили там земельные участки, тогда ещё садовые, построили дома – тусовка художников, актёров, музыкантов. Там снимали фильмы, своими работами мы раскрутили местную галерею, и даже участки в нашем посёлке стоят дороже, чем через дорогу (смеётся). Однажды там появилась и Аня.

– Она из вашего мира?

– Частично: она двоюродная сестра Максима Фадеева, так что, можно сказать, из шоу-бизнеса. Теперь у нас есть Аделина. До её рождения я о детях не мечтал и не планировал ими обзаводиться, но она – это, конечно, лучше, что случилось со мной за всю жизнь.

– Любовь Полищук, будучи уже народной артисткой страны, выслушивала от отца: «Люб, ну ещё год, два – а потом что? Работы-то у тебя нет!»

– (Хохочет). Моя мама до сих пор очень беспокоится за мою «безработность».

– Магнитогорск прекрасно представлен в мировом художественном мире: художник Эдуард Аниконов, дизайнеры Максим Черницов и Даша Гаузер – имена, известные всему миру. И все примерно из одного поколения.

– Во-первых, нас правильно учили – в советской школе мастерства. Во-вторых, именно на нас открылся мир – мы хорошо стартовали. Сегодня всё доступно, ничто не удивляет, всё есть в Интернете – никуда не надо ехать.

– То есть, в этом фактор вашего успеха?

– (Смеётся). Почему вы считаете меня успешным? Мне всё даётся довольно тяжело, может, чуть больше наглости и хитрости – достиг бы большего. Но меня всё устраивает: я живу в своём поле, пишу картины и не хочу распыляться на что-то ещё. К тому же, огромное счастье, что имею возможность заниматься тем, что люблю, и, как говорит моя мама, не работаю. Потому что мои знакомые из той же Германии зарабатывают на жизнь другими профессиями, а художество – хобби. Я же могу свободно строить своё время – в том числе, для приездов в Магнитогорск, который по сей день считаю своим домом наряду с Москвой. Пару раз в год обязательно приезжаю: на горнолыжку, к друзьям и, конечно, к родителям.

Рита Давлетшина